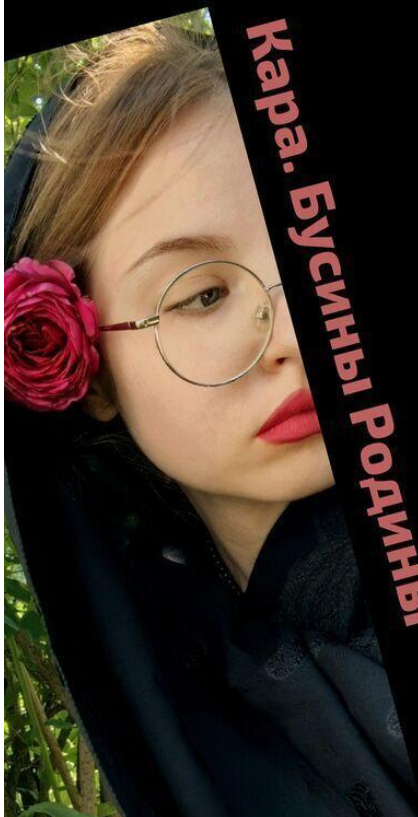

18+

bint Andre Nata

Капа. Бусины Родины

bint Nata

Кара. Бусины Родины.

Собрание маленьких сочинений

<https://litres.ru/74281834>

ISBN 9785007072045

Аннотация

В сборник вошли как новые, так и ранее опубликованные небольшие произведения. Некоторые тексты отредактированы благодаря издательской системе Ridero. Иллюстрации к произведениям выполнены лицеистками, проявляющими интерес к разного рода творчеству.

Содержание

ВОПЛЬ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кара. Бусины Родины

Собрание маленьких сочинений

bint Andre Nata

Иллюстратор Дарья Михайловна Щербакова

Иллюстратор Василиса Александровна Кузьмина

Иллюстратор Кристина Андреевна Дмитриева

© bint Andre Nata, 2026

© Дарья Михайловна Щербакова, иллюстрации, 2026

© Василиса Александровна Кузьмина, иллюстрации, 2026

© Кристина Андреевна Дмитриева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7204-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОПЛЬ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ СЕМЬИ)

Это было давящее утро, которое казалось предстоянием сильной грозы и тугих туч. Я еду на работу в редакцию. Трамвайчик гусеницей пробирается сквозь дебри розовых кустов. Я чувствую, что упускаю что-то очень важное и очень хочу высунуться из окна, бронзовкой забраться в рыльце цветка и жадно пить, пить, пить. Но насекомые понимают больше: они не разговаривают, не думают, но являются причастными к вечности хотя бы тем, что не имеют свободы выбора. Свобода выбора — тяжело. Если бы я сегодня, скажем, выпила все цветы розовых кустов, через которые пробирался трамвайчик, то я не напилась бы, но сошла бы с ума, потому что попыталась залезть в тайну беспечных насекомых.

Роса разносит запах зеленой травы, а розовые кусты создают сладкое облако нектарного запаха. Среди этого розового ветра слышны звуки. Звуки эти для кого-то раздаются, для кого-то доносятся лишь конечные высокие их ноты, а кто-то вообще не слышит их в нашем городке.

Я еду в редакцию, слушая сладкий розовый запах и эти истошности. Сегодня в газете я напишу, что это и есть сама жизнь.

Каждый раз, когда я еду в редакцию и наблюдаю живой

природный мир, я замечаю, что вижу лишь то, что позволяют мне глаза. И мне мало. Мне мало! В округе бегают младенцы. Именно эти жители городка всегда самые грустные и самые веселые, потому что видят много и вопли слушают на полную громкость. Природа знает, кому она откроется, а от кого отгородится. Кажется, что она, презирая и боясь непонимания, запирает все органы зрения, оставляя только глаза.

Мне мало. Я хочу перекрыть себя. Я хочу срезать белену, которая образовывалась годами.

Вокруг редакции растут такие же розовые кусты, что и вдоль дороги в город. Я люблю свое рабочее место: снаружи оно защищено массивными каменными статуями, которые стилизованы под Нотр-Дам, внутри уютно пахнет бумагами, черным кофе, коллективным теплом. Замечаю, что меня убаюкивают звуки печатных машинок.

Особенно дороги моему сердцу бессменные утренние ритуалы, когда все сонно собираются приступить к работе: коллектив собирается в большой комнате для отдыха, чтобы выпить горячие напитки, обсудить бархатные текстуры книжных обложек, женщинам отчаянно, плотно, даже нервически накрашивать губы бордовым цветом, а мужчинам испугаться, но екклезиастово улыбнуться и одобрить это, потому что все они точно знают, что отчаянный цвет губной помады — это торжество. Среди этого торжества всегда бывает, что кто-то садится в кресло около большого зеленого цветка и рыдает. Обычно сразу весь коллектив подходит к этому человеку и

распадается на тысячи сострадательных картинок: кто-то начинает плакать также, вдруг резко разделив с человеком все, о чем он плачет, кто-то начинает куда-то звонить, чтобы что-то непременно решить, кто-то начинает искать варианты решений проблем, которые предлагали великие. Если бы нас увидели люди за пределами редакции, то наверняка посмеялись бы или изгнали нас, так как это зрелище слишком утопическое.

Мы задерживаемся до позднего вечера. Если выйти на балкон и посмотреть вдаль, то можно увидеть лес. Со стороны леса никогда не доносятся вопли, но если прислушаться, то вполне себе слышно, как всепоглощающие иррациональные силы совершают обряды инициации, как нервически смеются мужчины, которых пытаются зашекотать русалки, как причудливые кусты изгибаются под проворными телами диких зверей. Лес находится на восточной стороне городка. По вечерам ветер доносит до нас звуки бубнов и плясок. Говорят, что единственный подступ к нашему городку — это именно лес, но племена, которые совершали на него набеги, без единой царапины пропадали там, потому что дороги шли не прямо к городу, а расходились в разные стороны, завивались вверх, вбок, под землю. Говорят, что дороги, ведя гордые и разумные племена, сами подчиняли их своей хищной, но милосердной стихии.

Карта городка поделена на несколько частей. У каждой части есть свой цвет: темно-зеленым выделен лес, светло-зеле-

ным выделен город, черным — деревня кликуш, красным — промышленная зона.

Диагональю от леса располагается деревня кликуш. Небо над деревней постоянно затянуто как бы черным облаком — вечной эпитрахилью. В нашем городке не принято чинить суд, ограничивать свободу, потому что человек, совершив всякого рода преступление, непременно ждет и желает, чтобы его осудили, но не получив должного наказания прошлой эры, долго томится, ходя по городу и ища приют. При этом в дома его охотно приглашают, склонив голову перед болью, которую человек испытывает от чувства вины. Но человек сам не заходит в дома, находя приют в деревне кликуш. Не всякий в этой деревне страдает кликушеством. Основное население — древние женские роды, которые живут в наших землях для того, чтобы дать приют виноватому. Они не употребляют вина, но есть у них то, что дает им временное облегчение. Моральным анальгетиком для них служит рев с просьбой простить телесное и словесное преступление. На какое-то время слезы массового покаяния дают облегчение, но через несколько дней все начинается заново. Во времена, когда в городе не было запрещено флагелланство, кликушам было легче. Но потом, когда они больше не могли себя бичевать, они лезли на стены, выли, рвали на себе одежду и волосы, теряя рассудок и веру в то, что снег, как и обещано, будет убелен. Им было недостаточно. Им мало!

Деревня отделена падающим высоким забором, через ко-

торый с легкостью можно перелезть, но сделать это захочет не каждый. Дома кликуш являют собой хаотичные деревянные постройки. Быт их не имеет лишней чистоты и порядка. Кликуши постоянно завывают, прерываясь на сон и ностальгические разговоры с гостями и странниками. Рев их является собой невыносимое страдание, которое просит всех, кто слышит их, разделить с ними их чувство вины, нервно-тошнотворное умиление от всего светлого и прекрасного, от всего того, что им кажется для них слишком светлым.

В этой деревне стоит мой маленький домик. Мне жалко его отдавать, потому что сама часто бываю там, когда ухожу в отпуск.

Рабочий день прошел без потрясений. Жарким днем в редакцию пришло приглашение нашего коллектива на современный перформанс. Все очень обрадовались, так как мы очень любим ходить куда-то вместе. Остаток рабочего дня все проводили в нежных раздумьях о том, как они, придя домой чуть раньше, достанут из шкафов шелк, бархат, массивные барочные украшения, искупаются в цветочной воде и пойдут в место, где артист и зритель оголяют душу.

Я тоже предвкушала этот вечер, потому что очень длительное время чувствовала одиночество. Одиночество это было мистического, фатального характера: я носила в себе древние ментальные коды кликуш, но не оставалась в деревне жить, потому что хотела видеть весь городок. Одиночество это не было равно ни соломоновой мудрости, ни бай-

ронической грусти, ни первородной гордыне. Я все четко осознавала, но казалось, что упускала что-то очень важное и ценное, что-то, что доступно личностям более простым, счастливым, рациональным.

Я люблю красоту, потому что не имею ее в себе. Люблю красоту софийную, абсолютную, магическую, всепоглощающую. Любуясь такой красотой, я будто бы становлюсь и сама немного легче. Я могла бы надеть нежные, пышные, сложные, разноцветные, струящиеся странные платья, но калейдоскоп образов в голове почему-то желал простого внешнего облика. В таких мероприятиях я люблю атмосферу и желание красоты, нежели собственную визуальную нарядность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.